

Е.А. Ляцкий

Гончаров

Жизнь, личность, творчество

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Е11

Е11 **Е.А. Ляцкий**
Гончаров: Жизнь, личность, творчество / Е.А. Ляцкий – М.: Книга по Требованию, 2021. – 386 с.

ISBN 978-5-458-26298-9

Историко-биографическое очерки.

Евгений Александрович Ляцкий (1868 – 1942), выдающий русский филолог, один из первых биографов Гончарова, использовавший в работе над своими книгами богатый рукописный материал. В книге впервые напечатана повесть Гончарова «Счастливая ошибка». Чрезвычайно редкое издание.

ISBN 978-5-458-26298-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

При настоящемъ изданіи мнѣ приходится отчасти повторить то же, что было сказано мной при второмъ изданіи моей книги.

За послѣднія восемь лѣтъ литература о Гончаровѣ значительно развилась и еще болѣе раздвинула рамки біографическаго и историко-литературнаго изученія Гончарова. Предпринятая мною нѣсколько лѣтъ назадъ попытка прослѣдить активную роль личнаго элемента въ произведеніяхъ художника, объективность котораго считалась безспорнымъ и типичнѣйшимъ признакомъ его творчества, къ настоящему времени получила блестящій матеріаль для своего обоснованія. Въ цѣломъ рядѣ опубликованныхъ семейныхъ документовъ, въ характеристикахъ родныхъ, въ воспоминаніяхъ о Гончаровѣ лицъ, близко знавшихъ писателя въ разные годы его жизни, раскрылась сложная картина общественныхъ взаимоотношеній и моральныхъ условій, среди которыхъ развивался и жилъ писатель. Новыя данныя пролили яркій свѣтъ на поставленную тему о такомъ преобладаніи субъективнаго элемента въ творествѣ Гончарова, при которомъ признаніе его исключительно объективнымъ художникомъ теряло подъ собой почву; въ зависимости отъ этого явилась возможность придать характеръ доказанныхъ, до очевидности ясныхъ положеній многимъ соображеніямъ, не выходившимъ, при прежней скудости матеріала, изъ предѣловъ гипотезъ.

Научная литература направила прежде всего на изученіе біографической стороны Гончарова по фактическимъ и документальнымъ даннымъ. Былъ опубликованъ обширный рядъ матеріаловъ, устанавливающихъ точныя хронологическія данныя и большое количество важныхъ и второстепенныхъ фактовъ изъ жизни писателя, прежде совершенно неизвѣстныхъ. Въ этомъ отношеніи неоцѣнимыя услуги оказалъ русскому обществу А. А. Мазонъ, освѣтившій въ своихъ любопытныхъ

статьяхъ многія фактическія стороны жизни писателя и переработавшій ихъ затѣмъ въ извѣстное изслѣдованіе, о которомъ я счелъ полезнымъ дать общее понятіе въ концѣ книги на основаніи моей рецензіи, напечатанной въ свое время въ «Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ». Послѣ выхода книги Мазона, въ мое распоряженіе поступило новое собраніе рукописей и писемъ Гончарова. Результаты моего изученія ихъ сведены въ особое изслѣдованіе, первый томъ котораго уже готовъ для печати. Это изслѣдованіе является въ свою очередь опытомъ научной біографіи Гончарова.

Но мои критико-біографическіе очерки, второе изданіе которыхъ вышло въ 1912 г., выдвинули цѣлый рядъ вопросовъ, еще далеко не нашедшихъ себѣ разрѣшенія въ научной литературѣ. Была принята моя основная точка зрѣнія на «субъективность» гончаровскаго таланта, но точныя границы между «субъективнымъ» и «объективнымъ» не пошли далѣе тѣхъ опредѣленій, которыя были даны мною. Критика, въ принципѣ соглашаясь и развивая мою точку зрѣнія, указывала на необходимость психологической и философской разработки этого, независимо отъ всего, глубоко интереснаго вопроса. Однако, новыхъ работъ въ этомъ направленіи не появилось, въ мою же задачу подобная разработка входить не могла. Не вызвало работъ и намѣченное мною психологическое изученіе творческой интуиціи Гончарова въ связи съ фактами его реальныхъ переживаній. Не получилъ дальнѣйшаго развитія и сдѣланный мною подборъ внѣшнихъ біографическихъ данныхъ, отраженіе которыхъ въ творествѣ не подлежало сомнѣнію. По всѣмъ этимъ соображеніямъ я счелъ полезнымъ отвѣтить на запросы, съ которыми обращались ко мнѣ и нѣкоторые изслѣдователи и, въ особенности, молодые читатели, изданіемъ настоящей книги.

Лишенный возможности пользоваться необходимыми справками, я не прилагаю здѣсь подробной бібліографіи Гончарова. Такую бібліографію я надѣюсь приложить къ моей другой, упомянутой выше книгѣ.

Приношу мою искреннюю признательность В. А. Майкову за разрѣшеніе напечатать текстъ «Счастливой ошибки» изъ принадлежащаго ему альбома «Лунныя Ночи» (1839 г.). Несомнѣнно, русскіе читатели и изслѣдователи прочтутъ съ глубокимъ интересомъ наиболѣе раннее произведеніе Гончарова, гдѣ авторъ впервые обнаружилъ отличительныя особенности

своего дарованія, уже тогда обращеннаго на художественную характеристику «обыкновенныхъ исторій» русской жизни.

Считаю своимъ долгомъ также выразить глубокую благодарность А. В. Бѣлородовой, оказавшей мнѣ свою помощь при печатаніи какъ второго, такъ и настоящаго изданія моихъ «очерковъ».

Стокгольмъ. Май, 1920.

I.

Общія замѣчанія. — Постановка вопроса о Гончаровѣ. — Романы Гончарова, какъ отраженіе единой исторической эпохи русской жизни.

Есть писатели, творческій обликъ которыхъ опредѣляется уже въ первыхъ произведеніяхъ, въ самомъ началѣ ихъ литературнаго поприща. По мѣрѣ той смѣлости, съ какой ихъ мысль идетъ въ глубь изображаемаго явленія, по характеру и степени законченности художническаго штриха, критика можетъ или сразу указать мѣсто писателя въ современномъ теченіи литературы и этимъ заранѣе опредѣлить его историческое значеніе, или же отмѣтить признаки богатыхъ залежей творческихъ силъ въ его душѣ и открыть широкій горизонтъ надеждамъ на будущее. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ писатель не оставляетъ обыкновенно сомнѣній въ направленіи своего пути; если не ясна конечная черта, за которую онъ не перешагнетъ, то въ общемъ можетъ быть намѣченъ жизненный кругозоръ, какой откроетъ ему высшая точка его творческаго подъема, — она же вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлитъ и уголь зрѣнія художника на явленія жизни.

Но есть писатели и другого рода. При своемъ появленіи на литературномъ поприщѣ, они, безсознательно и невольно, вводятъ въ заблужденіе современную имъ критику, представители которой попадаютъ въ положеніе людей, разсуждающихъ о громадной картинѣ, стоя вблизи ея, — только особенно чуткій и талантливый критикъ можетъ душой угадать то, чего не увидитъ глазомъ. Но для цѣльности, а главное — правдивости впечатлѣнія нужно отойти подальше.

Рѣзкость въ очертаніяхъ смягчится сама собою, рѣзущая глазъ яркость красокъ поблѣднѣетъ, пятна исчезнутъ, а вмѣсто нихъ мягко выступятъ неожиданные тоны и полутоны, просвѣты и полутѣни, откроется перспективная даль, и картина выступитъ въ полной красотѣ, отражая дѣйствительность во всю широту художественнаго замысла. Такъ и для сужденія о широкихъ эпохахъ и историческихъ дѣятеляхъ необходимо извѣстное отдаленіе, чтобы дать возможность всему суетно-преходящему, личному и мелкому отойти въ вѣчность и вѣчному заявить свои права. . .

При мысли о томъ замѣчательномъ періодѣ въ исторіи нашей общественности, когда совершался сложный и болѣзненный процессъ перехода въ новыя условія жизни послѣ отмѣны крѣпостнаго права, на память невольно приходитъ нѣсколько поистинѣ великихъ дѣятелей и борцовъ мысли. Нужно ли называть и можно ли перечислить всѣхъ, кто отдалъ силы своего ума и таланта освободительнымъ идеаламъ, служеніе которымъ было для нихъ не только дѣломъ гражданскаго подвига, но единственнымъ и непреложнымъ условіемъ жизни на родинѣ, безъ сдѣлки съ совѣстью и честью? Ихъ общій подвигъ органически вошелъ въ сознание образованнѣйшей части русскаго общества, считающейся съ завѣтами историческаго развитія, не только какъ съ безжизненной схемой преемственности явленій, но и съ тѣмъ, чтобы подготовить возможное торжество завтрашнему дню. Въ этомъ — залогъ надежды на лучшее будущее и источникъ вѣры.

Но художественная лѣтопись эпохи 50-хъ и 60-хъ гг. была бы неполна, еслибы за именами Чернышевскаго, Герцена, Некрасова, Добролюбова, Салтыкова, Тургенева не стояло еще одно имя — имя Ивана Александровича Гончарова. Онъ съ полнымъ правомъ можетъ занять мѣсто съ ними въ пантеонѣ русской мысли — не только по качеству таланта, но и по самому существу своихъ произведеній, по характеру изображенія и ихъ внутреннему смыслу. Именно его сочиненія таковы, что отъ нихъ нужно отойти на нѣкоторое разстояніе, чтобы разглядѣть всѣ особенности изображаемыхъ въ нихъ широкихъ картинъ, притомъ съ наиболѣе положительной и выгодной для нихъ стороны.

Для этой цѣли Гончарова нужно было забыть . . . и потомъ снова вспомнить, чтобы непредубѣжденнымъ глазомъ всмотрѣться въ черты его творческаго облика и представить его въ натуральную величину . . .

Намъ хотѣлось бы дать общую историко-литературную оцѣнку творчества Гончарова, въ связи съ тѣми условіями, среди которыхъ оно развилось и приобрѣло общественное значеніе. Многое въ этомъ направленіи уже подготовлено, иное намѣчено, и пересмотръ сдѣланнаго по изученію Гончарова самъ по себѣ представляетъ весьма достаточный поводъ къ научному изслѣдованію, тѣмъ болѣе интересному, что оно далеко выходитъ за предѣлы только литературныхъ фактовъ, ставя изслѣдователя въ непосредственную связь съ самоважнѣйшими вопросами общественнаго свойства. Считается неизмѣнно установленнымъ фактомъ, что картины Гончарова чрезвычайно широки по захвату жизненныхъ явленій, но размѣры ихъ содержанія далеко еще не выяснены. Самъ авторъ видѣлъ въ своихъ романахъ отраженіе трехъ эпохъ русской жизни, изъ которыхъ первая знаменовала собою Русь дремлющую, вторая — готовую проснуться, третья — пробужденную и потягивающуюся отъ сна. Но краями своими онѣ заходятъ одна за другую, — и не правильнѣе ли слить ихъ въ одну общую картину, увѣковѣчившую одинъ изъ любопытнѣйшихъ моментовъ исторіи нашего общества, моментъ его перегоранія и обновленія? Тогда развернется грандіозное полотно, потянется безконечная вереница типовъ и фигуръ, пестрая смѣсь меланхолическихъ Обломовыхъ, растерянныхъ Райскихъ, аккуратныхъ Штольцевъ, сановныхъ Адуевыхъ, хищниковъ темнаго царства, коптителей неба, домовитыхъ бабушекъ, Марѣinekъ и Наденекъ, Захаровъ и Егорокъ, вѣчныхъ Антонъ Иванычей и мелькающихъ Волоховыхъ . . . Всѣ они равно озарены лучами гончаровскаго генія. Но скоро зоркій глазъ Тургенева выдѣлитъ изъ толпы всѣхъ «лишнихъ» и «новыхъ» людей, однихъ задавленныхъ, другихъ объявившихъ непримиримую борьбу всероссійской рутинѣ и косности, и скажетъ свое «новое» слово, которое подхватятъ тысячи радостныхъ голосовъ . . . Необходимость параллельнаго изученія Гончарова, съ одной стороны, и Тургенева, Островскаго, Писемскаго—съ другой, вытекаетъ сама собой

для мало-мальски полного художественнаго освѣщенія эпохи.

Но предварительно вопросъ о Гончаровѣ предстоитъ рѣшить особо. Что онъ представляетъ собою, какъ художникъ и человѣкъ своего времени, какъ оба они отразились въ его творествѣ, благодаря которому за Гончаровымъ записана великая заслуга въ исторіи нашей литературы? Эта заслуга осознана уже давно; она создавалась на основаніи цѣлаго ряда сужденій, принадлежавшихъ людямъ самыхъ разнообразныхъ взглядовъ и убѣжденій. Многіе изъ нихъ знали писателя при жизни, и это обстоятельство придаетъ ихъ впечатлѣніямъ особую, если можно такъ выразиться—непосредственно-жизненную колоритность. Но, ставя сужденія предшествовавшихъ намъ критиковъ и публицистовъ исходной точкой нашего изложенія, мы будемъ интересоваться въ нихъ лишь основными взглядами на сущность гончаровскаго творчества,—независимо отъ того угла зрѣнія, которымъ обуславливалась принадлежность писавшаго къ тому или другому направленію.

II.

Отзывы критики. — Бѣлинскій, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Дружининъ. — Ихъ оцѣнка дѣятельности Гончарова и опредѣленіе основной черты его таланта.

Критическая литература о Гончаровѣ долгое время была очень скудна. Но ее приходится начинать славнымъ именемъ добраго генія нашей литературы — Бѣлинскаго, и крайне любопытно отмѣтить здѣсь же для характеристики Гончарова, въ какомъ направленіи совершилось вліяніе знаменитаго критика на автора «Обыкновенной исторіи», и никто не сказалъ объ этомъ вліяніи лучше, чѣмъ самъ Гончаровъ.

Гончаровъ познакомился съ Бѣлинскимъ въ половинѣ сороковыхъ годовъ (1846); знакомство это продолжалось, съ различными отбѣнками во взаимныхъ отношеніяхъ, до послѣднихъ дней Бѣлинскаго. Съ теплымъ чувствомъ воспоминалъ Гончаровъ время своихъ встрѣчъ съ Бѣлинскимъ. Тогда Бѣлинскій былъ уже изстрадавшимся и усталымъ человѣкомъ, который «истощился» на Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевскаго.

Съ юношеской восторженностью встрѣтилъ Бѣлинскій «Обыкновенную исторію», и широко распахнулъ передъ ея авторомъ заповѣдную дверь въ міръ литературной извѣстности. Въ лицѣ Бѣлинскаго онъ пріобрѣлъ горячаго поклонника своему таланту, но самъ не подчинился идейнымъ увлеченіямъ людей, группировавшихся вокругъ знаменитаго критика. По своему темпераменту Гончаровъ былъ не изъ увлекающихся, и менѣе всего можно было бы ожидать отъ него увлеченія социалистическими идеями въ духѣ Луи Блана и Ледрю Роллена, имена которыхъ возбуждали страстную тревогу въ умахъ, жадно слѣдившихъ за бурными европейскими событіями конца 40-хъ годовъ. Не подошелъ Гончаровъ къ кружку и въ болѣе смягченной сферѣ идейнаго общенія, создававшася вокругъ имени Жоржъ Зандъ и сочувствовавшаго тому страстному волненію общественной мысли, которое характеризовало Бѣлинскаго и его друзей въ тѣ годы. Для всего этого Гончаровъ былъ слишкомъ трезвой и спокойной натурой. Но вліяніе Бѣлинскаго на общія представленія Гончарова объ искусствѣ, о роли литературы въ общественномъ развитіи, о критикѣ не подлежитъ сомнѣнію. Оно сказалось въ романахъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заходитъ рѣчь о томъ, чѣмъ должна быть литература и какъ искусство, и какъ орудіе общественнаго прогресса. Признаки вліянія Бѣлинскаго можно усматривать и въ характеристикѣ одного изъ второстепенныхъ лицъ «Обрыва» — художника Кириллова, и въ либеральныхъ рѣчахъ Райскаго, и въ неожиданной горячей бесѣдѣ Обломова съ Пенкинымъ. До Бѣлинскаго Гончаровъ едва ли вложилъ бы въ уста Обломова эти для его времени замѣчательныя слова: «Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нѣтъ, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человѣку, чтобы поднять его, или горько плачьте надъ нимъ, если онъ гибнетъ, а не глумитесь. Любите его, помните въ немъ самого себя и обращайтесь съ нимъ, какъ съ собой, — тогда я стану васъ читать и склоню передъ вами голову»... Литературныя сужденія подобнаго рода не явились случайно, какъ бы навѣяныя извнѣ, они были восприняты Гончаровымъ при самомъ началѣ его сознательной творческой дѣятельности, совпавшей съ расцвѣтомъ ранней эстетической теоріи Бѣлинскаго. Эти идеи прочно вошли въ умственную природу Гончарова, словно

вросли въ него, и онъ остался имъ вѣренъ на всю послѣдующую жизнь. Онъ однѣ и тѣ же и въ «Обыкновенной исторіи», и въ сценахъ писательства Александра Адуева, и въ художественныхъ вспышкахъ Обломова, и въ порывахъ Райскаго, — такими же остаются онъ и въ «Литературномъ вечерѣ» и въ «Милліонѣ терзаній». Онъ проходятъ черезъ всю исторію творчества Гончарова, гдѣ онъ остается вѣренъ основному принципу отыскивать въ человѣкѣ, прежде всего, человѣка а уже потомъ изображать его, какъ общественное явленіе.

И вотъ сложившимся, уже прошедшимъ долгій искусъ уединенной творческой работы, явился Гончаровъ къ Бѣлинскому съ «Обыкновенной исторіей». Бѣлинскій съ перваго же взгляда распозналъ въ немъ крупную художественную силу, родственную талантамъ Гоголя и Пушкина, и тогда же предсказалъ блестящій литературный успѣхъ. Въ отзывѣ его было высказано много похвалъ писателю, который одинъ въ современной ему литературной средѣ «приближался къ идеалу чистаго искусства», но въ то же время критикъ досадовалъ, что Гончаровъ — «поэтъ, художникъ и больше ничего . . . у него нѣтъ ни любви, ни ненависти къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю . . .» — «А это и хорошо, — сказалъ онъ однажды съ какою-то «доброю злостью», — это и нужно, это признакъ художника». «Критикъ какъ-будто боялся, — рассказываетъ Гончаровъ, — что его услышатъ и обвинятъ за сочувствіе къ безтенденціозному писателю».

«Всѣ нынѣшніе писатели, — говорилъ Бѣлинскій въ той же статьѣ, — имѣютъ еще нѣчто, кромѣ таланта, и это-то нѣчто важнѣе самого таланта и составляетъ его силу; у Гончарова нѣтъ ничего, кромѣ таланта; онъ больше, чѣмъ кто-нибудь теперь, поэтъ-художникъ. Талантъ его не первостепенный, но сильный, замѣчательный. Къ особенностямъ его таланта принадлежитъ необыкновенное мастерство рисовать женскіе характеры. Онъ никогда не повторяетъ себя, ни одна его женщина не напоминаетъ собою другой, и всѣ, какъ портреты, превосходны».

«Романъ Гончарова останется однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы, — писалъ Бѣлинскій въ другомъ своемъ отзывѣ; — къ особеннымъ его достоинствамъ